

М. Б. Ворошилова М. B. Voroshilova
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**КОГНИТИВНЫЙ АРСЕНАЛ
И КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
СОВРЕМЕННОГО
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

**COGNITIVE ARSENAL
AND COMMUNICATIVE STRATEGIES
OF MODERN
NATIONALISTIC DISCOURSE**

Аннотация. В рамках настоящей работы мы представим результаты анализа основных когнитивных единиц современного молодежного националистического дискурса, а также опишем три основные коммуникативные стратегии его текстов: создание образа освободительной войны, создание образа врага, создание оппозиции.

Abstract. The article presents the results of the analysis of basic cognitive units of modern youth nationalistic discourse and describes three main communicative strategies of its texts: creation of the image of a liberation war, of the image of an enemy and of the image of opposition.

Ключевые слова: националистический дискурс; креолизованный текст; когнитивная метафора; коммуникативная стратегия; милитарная метафора; креолизованная метафора.

Key words: nationalistic discourse; creolized text; cognitive metaphor; communicative strategy; military metaphor; creolized metaphor.

Сведения об авторе: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the author: Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, оф. 221.
e-mail: shinkari@mail.ru.

В течение трех лет (2012—2014) в Уральском государственном педагогическом университете в рамках научного проекта «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность», реализованного при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проводилась «реконструкция» когнитивной базы экстремистского текста в современном молодежном националистическом дискурсе.

Используемые нами термины (экстремистский, националистический) отчасти условны, не имеют под собой серьезной юридической базы, хотя часть исследуемых текстов официально признана таковыми и внесена в соответствующий список Минюста либо создана в объединениях, деятельность которых также официально признана экстремистской (например, «Формат 18»). При отборе материала мы опирались на целый ряд дискурсивных факторов, которые и позволили нам объединить все исследуемые тексты в единый дискурс, нами обозначенный как молодежный националистический (ранее мы чаще использовали в своих работах более широкий термин — экстремистский).

Итак, материалом в рамках настоящего исследования послужили:

1) тексты современных музыкальных групп радикальной националистической направ-

ленности, популярные среди русских НС-скинхедов, националистов и неонацистов («Коловрат», «Циклон Б» и др.);

2) тексты, созданные под именами известных общественных организаций, признанных экстремистскими («Формат 18», «Славянский союз» и др.);

3) тексты, распространяемые (написанные, читаемые, выложенные на персональной странице и т. д.) известными представителями указанных выше организаций (например, лидером организации «Формат 18» Тесаком);

4) тексты, «сопровождающие» такие националистические акции в России, как «Русский марш», «Русские пробежки» (в первую очередь учитывались кричалки и выступления лидеров);

5) тексты, распространяемые в социальных сетях и привлекшие внимание правоохранительных органов (материалы судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности).

Моделируя когнитивную базу экстремистского текста, мы опирались на достижения Уральской школы политической метафорологии (с деятельностью которой можно познакомиться на сайте «Politlinguist.ru» [Politlinguist.ru]), поэтому в центре нашего внимания оказалась именно когнитивная метафора как

Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность».

самое доступное и эффективное орудие манипулирования. Правда, в своем исследовании мы оперировали более узким термином — креолизованная метафора, так как основной материал составили именно креолизованные тексты (аудиозаписи, видеозаписи), состоящие из элементов двух и более знакомых систем. Сама структура анализируемых текстов требовала использования неких комплексных методов исследования, которые позволили бы не только описать, инвентаризировать единицы всех задействованных семиотических систем, но и представить анализ их взаимодействия. Именно таким инструментом исследования для нас стала креолизованная метафора.

Возможность употребления данного термина при изучении креолизованного текста обусловлена, во-первых, тем, что в когнитивной лингвистике представлено «широкое» понимание метафоры, которая рассматривается как «любой способ косвенного выражения мысли» [Арутюнова 1990], в том числе и невербальный. Во-вторых, преимущество понятия креолизованной метафоры обусловлено тем, что оно может быть применено также к метафорическим образам, основанным на синтезе элементов не только вербальной или только визуальной системы (в этом случае принято говорить о визуальной метафоре [См., напр.: Большакова 2008]).

Данное понятие значительно шире и дает нам возможность еще раз подчеркнуть сложную внутреннюю структуру образа, основанного не только на взаимодействии различных знаковых единиц, но и нередко на взаимодействии нескольких образов. И именно взаимодействие является, с нашей точки зрения, базой данного понятия, предполагающего не просто синтез двух элементов, а их совместное развитие, совместное прочтение, результаты которого могут быть более точными и более глубокими, а нередко и отличающимися от результатов их отдельного прочтения [См. также: Ворошилова 2012].

В ходе анализа основных когнитивных единиц современного молодежного националистического экстремистского дискурса нами были выделены основные направления метафорической экспансии, которыми стали мир в целом и две полярные позиции — «свои» / «чужие».

Мир осознается участниками молодежного националистического дискурса по-разному: это Москва как столица России, это Россия в целом, это Родина, Русь, реже мир в целом. Но главное, что данное пространство осознается как принадлежащее «своим», в рассматриваемом дискурсе — русским, православным.

Итак, «своими», как мы уже отметили, становятся русские, православные, белые люди. Назвать этот образ только положительным нельзя, что мы и постараемся показать в ходе дальнейшего анализа, а вот образ «чужих» в текстах всегда отрицательный. Помимо негативной оценки, важными признаками «чужих» являются религия (мусульманство, иудейство), национальность (не русские), раса (черные).

На следующем этапе были выделены 7 основных метафорических сфер-источников: в субсфере «Социум» — военная и криминальная метафора, в субсфере «Человек» — физиологическая, морбиальная метафоры и метафора родства, в субсфере «Природа» — зооморфная метафора и метафора стихии [Подр. см.: Ворошилова 2014].

Также было отмечено, что ядро описываемого метафорического арсенала составили военные метафоры (64 % от общего количества используемых метафорических номинаций).

Полученные на данном этапе результаты полностью совпали с результатами прагматического анализа текста, в ходе которого нами были выделены три основные коммуникативные стратегии текстов молодежного националистического дискурса:

- создание образа освободительной войны;
- создание образа врага;
- создание оппозиции по национальному/религиозному признаку.

В текстах первой группы, направленных на создание образа освободительной войны, центральным становится образ «Русского воина», который всегда готов, который не умрет, который не боится быть жестоким.

Справедливости ради отметим, что в данных текстах зачастую не поднимается национальная, религиозная проблематика, в них не представлены признаки возбуждения национальной вражды, не обнаруживаются и средства унижения национального достоинства, что не позволяет их классифицировать как экстремистские тексты с юридической точки зрения. Однако отрицать их сильнейший пропагандистский потенциал, конечно, нельзя.

Напротив, тексты второй группы, направленные на создание образа врага, обнаруживают все перечисленные выше признаки в полной мере, а главной их тактикой является оскорбление, унижение.

В подобных текстах автор использует целый арсенал языковых средств для создания негативного образа чужого, в том числе метафорические инвективы (чаще зооморфные и морбиальные образы). Таким образом, в данной группе текстов создается образ врага — слабого, трусливого, дефек-

тивного, дикого, вызывающего брезгливые чувства.

Тексты, построенные на национальной/религиозной оппозиции, содержат, как правило, три группы образов, изобразить схематически которые можно в виде треугольника:

В основании пирамиды лежит оппозиционная пара «свои» и «чужие», где «свои» — это русские, православные, часто выступающие в роли ущемленных: их грабят, травят наркотой, загоняют в гробы, насилуют, вытесняют с собственной земли.

«Чужие» же предстают в образе врагов, опасных, страшных, агрессивных — тех, кто грабит, разоряет, убивает.

На вершине пирамиды вновь образ защитника — бойца, солдата, героя, готового бороться за русскую нацию, бороться до конца своих дней.

Итак, как мы видим, ключевым в анализируемом дискурсе становится образ русского воина, бойца, что полностью подтверждается в результате анализа когнитивного арсенала современного националистического дискурса, ведь самой продуктивной среди милитарных стала метафора воина, бойца, солдата, причем именно эта метафора получила свое полноценное развитие как на визуальном, так и на аудиальном уровне.

В текстах авторы часто использовали три варианта данной метафоры, отличающиеся стилистическими и прагматическими характеристиками. Так, нами было отмечено, что в роли обращения чаще используют довольно нейтральные метафорические номинации солдат:

Готовься к последнему бою, солдат,
Война ближе день ото дня...

Напротив, для выражения решительности и активной позиции в представленных текстах обращаются к метафоре бойца, обладающей более ярким прагматическим потенциалом.

Мы бойцы белой расы
Мы будем жить и сражаться

Страна пробудилась от долгого сна
И белые воины уничтожат врага.

Метафора же воина выражает уважение к воинской службе. Данная метафора частотна, но не продуктивна, так как употребляется только в устойчивых сочетаниях «русский воин» и «белый воин»:

И теперь я русский воин, ты вставай
в мои ряды,
Чтобы черти захлебнулись в своей
собственной крови!

Белый воин, шире шаг и выше знамя,
Ты ариец, ты скинхэд.

Метафоры данной группы окружены неким романтическим ореолом, что используется авторами текстов для прагматического воздействия на зрителей и слушателей.

Как мы уже писали выше, метафора воина, защитника получила серьезную поддержку на визуальном уровне исследуемых креолизованных текстов. На данном этапе мы отметили несколько особенностей создания и развития креолизованной метафоры войны в анализируемых текстах.

Во-первых, в примерах, где сфера-источник (солдат, воин) реализована на вербальном уровне, на визуальном уровне используются однотипные образы сферы-мишени: это здоровые, спортивные, сильные, нередко вооруженные ребята. Отметим, что данные визуальные образы часто тесно связаны с визуальными символами нацистской атрибутики или символики, а также атрибутики или символики сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; данные изображения зачастую сопровождаются атрибутивными символами современных неофашистов. Подобное развитие метафорического образа характерно для текстов третьей группы, направленной на создание оппозиции по национальному или религиозному признаку.

В текстах первой группы, определяющей стратегией которых является создание образа освободительной войны, преобладают визуальные образы воина, воина-освободителя, основанные на хорошо известных прецедентных образах.

В этой группе текстов отмечен важный для русского сознания образ солдата — сына, сына своего Отечества. Данные образы нередко представлены в виде креолизованной метафоры, основанной на сочетании четырех образов: на визуальном уровне — образов современных солдат, «срочников», ребят, служивших и погибших в Чечне, и образов их матерей, на вербальном уровне — образов Родины-матери и сына Отечества, воина.

Но наиболее востребованными в современном националистическом дискурсе оказались образы, отсылающие к героическому,

историческому прошлому России, а именно образ советского солдата-освободителя и русского богатыря.

Естественно, среди богатырей самыми почитаемыми оказались те, чьи имена тем или иным образом связаны с освобождением России, в том числе:

– Дмитрий Донской, великий русский князь, известный как главный проводник антиордынской политики в русских землях;

– Евпатий Коловрат — воевода и славянский богатырь, герой рязанского народного сказания XIII в., времен нашествия Батыя.

В последние годы все чаще стали упоминаться имена донских казаков — Стеньки Разина и Емельяна Пугачева — как освободителей народа от порабощения, желающих свергнуть оккупационный режим.

Метафора этого типа встречается в текстах всех трех групп, ее отличает лишь то, что чаще ядром метафорического образа становится визуальный образ.

Важно, что милитарные образы данной группы направлены на выражение уважения к воинской службе, они содержат больше патриотизма, нежели угрозы, агрессии.

Полученные нами результаты оказались практически идентичны результатам исследований, проводимых психологами, которые выявили два «сюжета» в модели националистического текста: 1) призыв к идентификации с символикой националистической идеи, 2) формирование чувства страха перед представителями иных социальных групп, рас, религий с применением этнической символики.

Первый сюжет перекликается с первыми двумя стратегиями, выделенными нами и направленными на создание враждебного образа мира, образа врага и нашего места в этом мире. Второй сюжет полностью соответствует третьей стратегии, создающий агрессивный образ врага и ущемленного «своего».

Совпали и результаты исследований символики националистического дискурса, несмотря даже на то, что нами исследовались различные символы (визуальные символы в психологическом исследовании и когнитивные символы/образы в лингвистическом), использовались различные методы и приемы анализа. Полученные результаты, как уже говорилось, вновь «вторят друг другу».

Психологами также была отмечена амбивалентность символики: с одной стороны, наблюдается агрессивная националистическая символика (в нашем случае — образ русского бойца — молодого человека, вооруженного, сильного, — образ современного неонациста), с другой — патриотическая историческая символика (русский богатырь, солдат-освободитель).

Подробнее результаты, полученные психологами, описаны в статье К. В. Злоказова «Репрезентация идей националистической направленности в креолизованном тексте» (с. 229—234 настоящего издания).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136—137.

2. Большакова Л. С. Когнитивный механизм создания визуальной метафоры (на материале англоязычных музыкальных видеоклипов) // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 2 С. 119—123. URL: www.science-education.ru/21-703 (дата обращения: 26.05.2011).

3. Ворошилова М. Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 94—99.

4. Ворошилова М. Б. Проснись, Россия: метафорический потенциал современного российского молодежного экстремистского дискурса // Новые парадигмы в когнитивной лингвистике / отв. соред. Б. К. Момынова, М. В. Пименова. — Алматы; Кемерово; Витебск; Бишкек, 2014. С. 473—481.

5. *Politlinguist.ru*. URL: <http://politlinguist.ru>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.